

Виктор Кукушкин

Идеалисты

16+

Виктор Кукушкин

Идеалисты

«ЛитРес: Самиздат»

1991

Кукушкин В. Ю.

Идеалисты / В. Ю. Кукушкин — «ЛитРес: Самиздат», 1991

ISBN 978-5-532-93109-1

Мне стыдно за вас, Варвара Петровна, стыдно и очень обидно. Очень обидно, что вы – мой современник. Потому что, пока существуете вы, нам светлого будущего никогда не построить, – заявил ответственный работник своей подчиненной. С этих слов вспыхнули их романтические чувства. Друг ответственного работника Максим Девочкин готовит юбилейный спектакль, где укладывает себя в гроб. Причина – вместо хорошей квартиры ему дали коммуналку, где он не может уже в полной мере воспевать государство и существующий строй. Циники, между прочим, те же лирики. Или мечтают быть лириками.

ISBN 978-5-532-93109-1

© Кукушкин В. Ю., 1991
© ЛитРес: Самиздат, 1991

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктор Кукушкин

Идеалисты

Гасли окна – воспоминания дня. Сон обнимал воспоминания и уводил их в свои, только ему ведомые глубины. Там он раскрывал перед ними давно заветные мечты. Восторг наполнял сердца людей. Лица покрывались дымкой загадочности. Приближалось что-то очень важное. А сон уже начинал играть с людьми в прятки. И тогда мир наполнялся привидениями из голых людей. Они появлялись в самых разных местах: в кабинетах, в библиотеках, в парках, на заводах, в различных помещениях, застывали там в самых невообразимых позах, перемещались. А под утро, словно в сомнамбуле, ходили из угла в угол, набросив на себя разнообразные накидки, пытались согреться.

Пали листья. Холодный ветер равнодушно перемещал их с места на место, подбрасывал в воздух. Листья, словно человеческие ладони, шарили по стеклу, растворялись в темноте. Потом шел снег. Мелкие снежинки вальсировали в воздухе, выстраивались в живые фигуры, те некоторое время держались, потом опадали, словно впечатления наслаиваясь, друг на друга, образуя за ночь непроходимые сугробы. Мир продолжал меняться и, тем не менее, оставался прежним. Неизменным.

– Мне стыдно за вас, Варвара Петровна, стыдно и очень обидно! – произнес Семён Петрович. – Очень обидно, что вы – мой современник. Потому что, пока существуете вы, нам светлого будущего никогда не построить.

Надобно знать, какое действие возымели эти слова. Воспылав романтическим чувством к молодому руководящему работнику, Варвара Петровна в своих мыслях зашла настолько далеко, что стала образцовым работником свинофермы. Семён Петрович так же обратил внимание, что его критика возымела столь решительное действие. Он даже почувствовал себя мужчиной, начал грезить о совместной жизни, причём свиньи в этих грёзах занимали не последнее место.

1

Недалеко от свинофермы располагались здания Дворца Просвещения и Осоавиахима. Окруженные большим парком, красивыми белыми статуями с отбитыми конечностями, учебным аэродромом и танкодромом, они неизменно привлекали к себе внимание жителей города; не обделялись вниманием, благодаря обилию пастбищ, и со стороны свиней и коров.

Внизу протекала река. Берега её в классическом римском стиле осеняли колонны – трубы цементного завода. Создавалась впечатление, что они держат собой подбеливаемый постоянно небосвод.

Мимо реки утром и вечером проходили рабочие, очень напоминавшие статуи в парке, потому что тоже были покрыты цементом.

Из парка доносились звуки духового оркестра и реплики со стороны художественной самодеятельности, руководимой старым приятелем Семёна Петровича – Максимом Девочкиным. Реплики иногда смущали слух благонамеренных жителей города, вываливаемых в праздничные дни на городской пляж. Было сделано соответствующее замечание, последовала немедленная реакция, и в праздничные дни художественная самодеятельность, руководимая старым приятелем Семёна Петровича Максимом Девочкиным, стала заниматься имитацией поведения животных. Эти звуки, хоть и производились человеческим голосом, но смущали намного меньше.

В ночное время, и не только по праздникам, нечто подобное происходило в коридорах Дворца Просвещения. Звучали мычание, хрюканье, возня и грызня. Наконец, посреди темноты возникали два воспаленных глаза, раздавался шлепок, и звуки на некоторое время стихали.

Утром, едва только солнце пробуждалось ото сна, а Максим Девочкин ещё спал в углу сцены у рояля, пространство Дворца Просвещения заполняли мухи. Набросив на себя черные халаты, мухи, словно пчелы, начинали сновать из стороны в сторону, жужжать, суетиться, начинали собирать пыль. Но так им только казалось. На самом деле они её ещё больше разводили. Им от рождения не дано, например, как пчелам, собирать мёд, но они в полной уверенности считают, стоит им только посмотреть, как собирают мёд, они сразу же смогут научиться это делать. Поэтому некоторых своих представителей мухи отправляют на стажировку к пчелам. Не известно, чем те там занимаются, и чему стажируются, но только когда они возвращаются обратно, на них уже блестят другого цвета халаты, на некоторых даже гораздо красивее, чем у пчёл.

К сожалению, мухи не умеют понимать человеческого языка, поэтому по утрам Максим Девочкин вынужден накрываться одеялом с головой.

Семён Петрович, как и Максим Девочкин, не спал всю ночь. Тоска, овладевшая его телом, отняла все его сны и сновидения, сны превратились в реальность и предстали перед ним в образе Варвары Петровны. Развивая диалектику своих чувств, Семён Петрович всю ночь искал законных подтверждений в учебнике философии издания 193... года, но не найдя таковых, решил, что поскольку книга была написана раньше, нежели он увидел Варвару Петровну, то она ничего не может знать об их последующих взаимоотношениях.

Под звуки духового оркестра, который тоже неизвестно почему не спал и по ночам маршировал под стенами Дворца Просвещения, отчего все люди, жившие вокруг, ходили исключительно строевым шагом и даже во снах собирались в колонны и маршировали, устремив свои головы вверх, до тех пор, пока с них не съезжало одеяло или не раздавался гудок с цементного завода. Так вот, под звуки духового оркестра Семён Петрович предстал перед стулом, изоб-

ражавшим Максима Девочкина. Семён Петрович сер, наглухо застегнут шеренгами пуговиц. Марш вселяет надежду в его обвисшее, уставшее от тоски и страданий тело.

На стуле висят единственные брюки и пиджак Максима Девочкина. Не скажешь, что они принадлежат одному человеку, но поскольку они, действительно, принадлежат одному человеку, умудряясь при этом так сильно отличаться, создается впечатление... что приобретены они были в разное время, а это, наоборот, говорит о цельности натуры Максима Девочкина.

– Как ты считаешь, – изрядно потоптавшись на месте, произнес наконец Семён Петрович, – Может несознательный элемент стать вдруг сознательным?

Максим Девочкин высунул голову из-под одеяла, посмотрел заспанными глазами на Семёна Петровича и сказал:

– Нет, не может.

– Я и сам знаю, что не может, – согласился Семён Петрович. – А, может, все-таки может? – как-то особенно жалостливо добавил он.

– Может, все-таки может, – обнадежил товарища Максим Девочкин и, посмотрев в сторону, добавил: Как можно заниматься философией, когда вокруг столько... жизни? Нет, зря, Семён Петрович, ты говоришь, что ты материалист. Ты – идеалист.

В это время в окне первого этажа блеснула лысина, вместе с ней блеснула мысль: "Какая огромная стартовая площадка у мыслей, заключенных в эту голову!". Говорят, лысые наделены необычайным умом. Однако в нижней части головы, стоило ей немного приблизиться к окну, оказались настолько густые волосы, что вторая мысль: "Возможно, эту голову в молодости чем-то очень сильно ударили, и она, потеряв точку опоры, перевернулась на 180 градусов", – затмила первую.

– Где Девочкин? Где этот безобразный Девочкин? – прокричал лысый писклявым голосом. – Почему его подушка в моем кабинете? И что она, извините, тут делает?

Максим Девочкин поморщился, вылез из-под одеяла и побрел на поиски ботинка, который ночью улетел вмышь. Потом приступил к розыску других вещей, потом занялся самозерцанием, потом творчеством, и, наконец, художественной самодеятельностью. Максим Девочкин не имел своего угла, и было это для него камнем преткновения. Отсюда он черпал свое вдохновение, этим ограничивался его кругозор, за что и был неоднократно бит. Но он не мог наступить на горло собственной песне, не мог и, как честный художник, не желал, поэтому с гордостью сносил критику и тоже страдал за идею.

2

На дворе стояла весна, на пеньке сидела Варвара Петровна, рядом с ней – Семён Петрович. В платочках под гармошку пары гуляли под березками.

– Женщина каким-то десятым чувством всегда знает и чувствует, что у мужчины за душой. Не в душе, а именно за душой, – разглагольствовал Семён Петрович перед Варварой Петровной. – По поводу души женщины, чаще всего, ошибаются. Впрочем, чтобы что-то уместилось за душой, необходимо, чтобы более-менее соответствующих размеров была душа. Мужчины же, часто поиграв роль романтического соблазнителя, исчезают, оставляя женщину в сказке. Они потому и исчезают, чаще всего совсем исчезают, чтобы оставить женщину в сказке. Женщинам это понять невозможно. Женщина ведь видит не мужчину, а тот образ, который с помощью его черт она создала. Если бы она увидела реального мужчину, – тут Семён Петрович сделал паузу, побегал взглядом по сторонам и сказал: Варвара Петровна, я давно хотел вас просить об одном очень странном одолжении, да все никак...

– О каком, Семён Петрович?

– Можно вас поцеловать?

– Семён Петрович... – в глазах Варвары Петровны сверкнули искры поруганного достоинства. – Да как вы...

– Простите... я не хотел... то есть хотел... то есть хотел сказать, что не хотел... Только чтоб на производстве не знали... Простите меня за столь дерзкий поступок! – и он чмокнул ее в подбородок.

Варвара Петровна, словно ветер, кинулась к реке, где никого не было. Семён Петрович кинулся в другую сторону.

Возле реки она остановилась и заревела.

Каждый мужчина носит определенное отношение к женщине, и каждая женщина принимает правила каждого мужчины.

После просмотра кинохроники в честь приближающегося юбилея, братья Рвоткины в лесной сторожке пили "бормотуху". Трое из них были высокого роста, крепкого телосложения, один – маленький и смешной. Однако на экране, где братья Рвоткины с механическими пилами через плечо двигались на фоне круглых процентов плана, маленький казался выше и удалее всех, – оттого что шагал по бревну и в каске набекрень.

Когда распахнулась дверь в сторожку, братья Рвоткины разливали очередную порцию "бормотухи". Завидев Варвару Петровну, они медленно приподнялись, один из них, не желая делиться "бормотухой", загородил ту своим телом.

В глазах Вареньки сверкнули те же искры, что и во время разговора с Семёном Петровичем, но читались они теперь так, словно вспыхнуло в душе тайное желание, которое невозможно залить уже ни робким бормотанием, ни даже "бормотухой".

3

Где-то приблизительно в это же время, в тот же день, возможно даже в ту же самую минуту, вышел Указ, предписывающий всех людей, занимающихся творчеством, переселить в хорошие жилищные условия, чтобы те могли воспевать существующую действительность, не стесняясь этого. Но, или на всех не хватило хороших жилищных условий, или посчитали, что наш герой недостаточно занимается творчеством, или еще что, но только поселили Максима Девочкина для начала в коммуналку.

Разложив вещи, подставив таз под каплющую с потолка воду, Максим Девочкин сел огорчаться. И тут в руки ему попала газета, которую по своей забывчивости, во время осмотра комнаты, прежде чем вселить сюда героя, оставил автор. А в газете – строка: "Каждой семье отдельную квартиру к 2000 году" – Максим Девочкин застонал и чуть не потерял сознание. Потом схватился за голову, потом успокоился. И даже обрадовался. Он вспомнил, что истинный художник должен страдать. А поскольку он художник истинный, то ему, как, впрочем, и автору, успевшему уже к этому времени умыкнуть газету, не нужна квартира.

Привыкая к новому предмету своего страдания, Максим Девочкин проголодался (перейдем от лирического вступления к физическим действиям) и отправился на кухню в надежде приготовить суп.

На кухне висело пять лампочек, включавшихся отдельно из каждой комнаты. Хозяйки, с первого мгновения отнесшиеся к новому жителю враждебно, вышли по отдельности каждая из кухни, выключив каждая свою лампочку. Раздался настолько нечеловеческий крик, что очертания трагически согнутого тела засветились в темноте от напряжения.

На следующий день Максим Девочкин вышел на кухню со свечкой. Пронеся ее так, словно вокруг совершенно темно, он поставил свечу у плиты. Пламя колынулось и расцвело вместе с улыбкой Максима Девочкина. Он бы так и наслаждался этой своей находкой, если бы не почувствовал на себе пристальный взгляд окружающих. А, как любая артистическая натура, он всегда, когда чувствовал на себе пристальный взгляд окружающих, хотел страдать. Он на мгновение задержал взгляд на свече, давшей еще одну блистательную мысль, потом с безысходностью и трагизмом, но, как подобает в подобные минуты, без колебаний, вышел из кухни, оставив дверь открытой.

Чердак являл собой ярмарку тщеславий. Старые кастрюли, тазы, банки, корыта в огромном количестве заполняли пространство, соревнуясь друг с другом в собирании капель. "Кап, кап..." Как?! Капельки, всегда настолько впечатлительные, что полностью отражают в себе окружающий мир, падали в первую попавшуюся посуду.

Несколько мгновений потребовалось, чтобы освоиться в полумраке, и Максим Девочкин двинулся к бельевой верёвке. Он уже принялся отвязывать верёвку и, наверное бы даже отвязал, если б не... Она стояла у единственного окна на чердаке, там, где светило солнце, плавилось небо, и летали голуби! Теперь уже Максим Девочкин ничего не играл. Он просто обо всем забыл. И пусть это длилось мгновение, мгновение это было великим!

Почувствовав на себе взгляд, она повернулась. О, как ей шел голубой небесный цвет! На глазах её блеснули слезы. Она сделала шаг к окну, и Максим Девочкин бросился в её сторону.

Девушка была из "бывших», поэтому у неё не было будущего. Она это знала, знала, что сейчас её место на свалке истории, знала так же и то, что бывает с людьми, оказывающими поддержку таким как она. Поэтому поддержку таким никто сейчас и не оказывал. Но она не знала Максима Девочкина! Не знала, что он, в отличие от Семёна Петровича, поступает решительно и вопреки всякому общественному мнению, не знала... впрочем, сколько она еще не

знала. И потому девушка уже сидит в комнате своего спасителя и, жадно жуя кусок хлеба, слушает его речь.

– Жизнь, Машенька, – это разрушение и создание красоты, разрушение одной и создание другой, – говорит Максим Девочкин. – Каждую вещь, Машенька, нужно уметь взять, то есть открыть. И даже себя нужно уметь открыть. Иные проживут всю жизнь, так и не узнав, кто они на самом деле. Нужно очень внимательно прислушаться к голосу собственного сердца и, если необходимо, даже через что-то переступить. Вы меня понимаете?

Машенька кивнула. Она все понимала, потому что очень хотела есть.

– Вот вы, – продолжил Максим Девочкин. – Вы никогда не мечтали стать, ну, например, членом художественной самодеятельности? Ведь мечтали же, мечтали? Считайте, что вам крупно повезло... – тут он выдержал паузу. – Но знаете ли вы, для того чтобы стать членом художественной самодеятельности, нужно испытать всё? Понимаете, всё!

Машенька всё понимала, поэтому еще сильнее уцепилась за кусок хлеба.

– Вы готовы?

Машенька выразила готовность.

– Тогда начнем! – Максим Девочкин встал и в большом возбуждении зашагал по комнате.

4

В коридорах Дворца Просвещения всегда много народа. Особенно много сейчас, во время подготовки к юбилею. Сейчас, кажется, даже больше всего, даже больше, чем статуй в парке.

Статуи в парке, как будто бы говорят людям: мы ваш идеал, вы должны стремиться быть похожи на нас, вы должны становиться такими же как мы. И люди соглашаются и тут же становятся. Поэтому сейчас перед самым входом происходит демонтаж Венеры, помрачневшей за последние десятилетия стояния. На ее место готовится встать жизнерадостная с большим букетом колосьев колхозница. Любовь к женщине уступает место любви к труду.

В коридор, словно огромный красный язык, выволокли транспарант, с которого слетело одно единственное слово "Пусть...". Больше на нём ничего ещё написано не было. Скоро множество таких транспарантов, исписанных вдоль и поперек, развешат по всему городу, и те, болтливо трепыхаясь, начнут славить направо и налево, куда подует ветер.

А вот Иван Петрович Удод. Ему во время подготовки к юбилею доверена наглядная агитация, поэтому он болтается в коридорах Дворца Просвещения, перемещаясь от одной статуи к другой, отдавая поручения, о которых тут же забывает. Сейчас он марширует мимо ряда плакатов, изображающих человека с ружьем: на одном плакате человек с ружьем стоит по стойке "Смирно", на другом – выполняет команду "На плечо", на третьем – "Коли", – поэтому, если двигаться мимо, человек с ружьем оживает. И эта находка особенно радует Иван Петровича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.